

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ МЫСЛИ

УДК 2-9, 2-36, 2-65, 2-184, 2-271, 2-272

**Антропологические концепции
Пелагия и Иоанна Кассиана Римлянина***А. Р. Антонян*

Донская духовная семинария,
Российская Федерация, 344033, Ростов-на-Дону, ул. Всесоюзная, 196
Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
Российская Федерация, 115035, Москва, ул. Пятницкая, 4/2

Для цитирования: Антонян А. Р. Антропологические концепции Пелагия и Иоанна Кассиана Римлянина // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 3. С. 398–407.
<https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.304>

Статья представляет собой сравнительный анализ антропологических построений марсельского богослова преподобного Иоанна Кассиана Римлянина и британского монаха Пелагия. В исследовании обосновывается необходимость тщательного пересмотра устоявшихся в западном мире доктринальных оценок, согласно которым Иоанн Кассиан является представителем так называемого полупелагианского богословия. Негативное именование Кассианова богословия, включавшее в себя имя еретика Пелагия, сохранилось на Западе в течение многих столетий и только недавно стало подвергаться кардинальной переоценке такими видными исследователями, как Августин Кэсидей, Дональд Фернберн, Оуэн Чедвик. По мнению автора статьи, главной причиной тенденциозной оценки наследия Кассиана в истории западного богословия является то, что оно зачастую рассматривалось через призму пелагианской полемики и поэтому приравнивалось к своеобразному варианту пелагианства, т. е. к полупелагианству. Новейшие исследования, раскрывающие творчество Кассиана как аскетическую традицию, позаимствованную им от восточно-христианской мысли, где равноценное значение имеют и божественная благодать, и личные человеческие усилия, демонстрируют несостоятельность прежнего подхода к оценке его основных богословских положений. Автор показывает, что антропология и сотериология Иоанна Кассиана

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2022

на значительно дистанцированы от пелагианских теологических постулатов и по своим основным богословским положениям намного ближе к взглядам блж. Августина.

Ключевые слова: спасение, предопределение, первородный грех, воля, благодать, пелагианство, синергизм.

В христианской богословской науке учение о человеке неразрывно связано с учением о спасении. Определенная антропологическая позиция позволяет судить о том, какое значение человеческие действия имеют в деле духовного становления. Ключевым моментом здесь является вопрос о потенциальной возможности человека самостоятельно избирать благо и стремиться к нему. Как известно, специфическая особенность западной сотериологии, в отличие от восточно-христианской мысли, заключается в сугубом акцентировании внимания на проблеме нахождения консенсуса между догматом о божественном всевластии и идеей, провозглашающей некоторую самостоятельность человеческой воли.

В истории христианской мысли споры относительно того, способен ли человек предпринимать что-то для своего спасения или же привилегия спасать принадлежит только одному Богу, возникали не раз. В результате появлялись самые разнообразные теории, призванные решить обозначенную проблему. Началом длинной череды этих споров считается полемика, возникшая в V в. между Августином и Пелагием. Как известно, оппоненты занимали диаметрально противоположные антропологические позиции.

Антропология блж. Августина, окончательно оформившаяся именно в ходе дискуссии с Пелагием, была проникнута глубоким пессимизмом. Августин полагал, что природа человека в своем нынешнем состоянии находится на более низком уровне, чем это было изначально задумано Творцом. Такое состояние «падшести» есть прямое следствие отступления от Бога, т. е. результат грехопадения, совершившегося на заре человеческой истории. В результате богоотступничества первых людей их природа глубоко повредилась, что, как утверждает Августин, привело к полной потере духовных сил и способностей, изначально дарованных Богом человеку в акте творения. Это трагическое для всего человечества событие не только повлекло за собой искажение человеческого естества, но и сделало всех людей виновными пред Богом. Опираясь на текст апостола Павла («Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем [в Адаме] все согрешили» (Рим 5:12)), Августин выдвигает концепцию, согласно которой каждый человек как потомок Адама несет на себе личную ответственность за грех своего прародителя.

Характеризуя духовное состояние человечества после грехопадения, Августин называет его не иначе как *massa peccati* (греховной массой), т. е. речь идет об утрате в нынешнем естественном состоянии подлинного по-

нимания духовной жизни и способности стремиться к совершенству: «Все мы сделались одной массой глины, т. е. массой греха»¹. Ум, чувства и воля каждого человека, согласно поздним антропологическим конструкциям Августина, полностью подчинены греховному влечению.

Опираясь лишь на свои собственные силы, исправить такое положение дел человек не может. Для того чтобы освободиться от оков тотального господства греха, необходим дар божественной благодати, который преобразил бы человеческую природу и вернул человеку способность свободно стремиться к подлинному благу. Согласно Августину, такого дара благодати удостоиваются далеко не все люди, а лишь те, кого сам Бог предопределил к вечному спасению. Данное избранничество не зависит от каких-либо действий человека, но является исключительно суверенным выбором Бога. В такой модели спасения, по мысли Августина, человек не играет никакой роли.

Даже беглый взгляд на приведенную богословскую схему позволяет заключить, что сотериологическая концепция Августина может быть обозначена как «антропологический пессимизм». Учение, в котором роль человека в деле собственного спасения сведена к нулю, не могло не вызвать бурю негодования, особенно в среде монахов — людей, всю свою жизнь посвятивших аскетической практике и полагавших, что аскеза, сопряженная с молитвой и покаянием, имеет прямое значение в определении посмертной участи. Поэтому неудивительно, что в некоторых монастырях (Северной Африки и Южной Галлии) доктринальные построения Августина были восприняты с недоверием.

Противник Августина — британский монах Пелагий, — ознакомившись с его определениями человеческих сил и возможностей, был крайне возмущен такой трактовкой человеческой природы. По мнению британца, никакого первородного греха, о котором учил Августин, в действительности не было. Все люди рождаются в своем естественном состоянии². Человеческая природа нравственно ослабляется не грехом Адама, а личными негативными поступками, которые и отдаляют людей от Бога³. Грехопадение первых людей, описанное в Библии, есть их сугубо личная трагедия, которая, по убеждению Пелагия, служит для всего человечества лишь нравственно-назидательным уроком. Но эта трагедия, как считает Пелагий, не имеет каких-либо губительных последствий, в результате которых само естество человека претерпевало бы определенные искажения. Впоследствии на ряде церковных соборов доктринальные построения Пелагия были осуждены как ересь. Учение же Августина о первородном грехе (*peccatum originale*), хотя и с некоторыми оговорками, было принято в качестве официальной догматической установки в Западной церкви.

¹ *Августин Блаженный*. Тракаты о различных вопросах: богословие, экзегетика, этика. М.: Империиум Пресс, 2005. С. 145.

² *Pelagius*. *Epistola ad Demetriadem* // *Patrologia Latina*. Vol. 33 / ed. by J.-P. Migne. Paris: *Patrologiae Cursus Completus*, 1845. P. 1100–1101.

³ *Ibid.* P. 1104–1105.

Однако уже на закате жизни Гиппонского епископа один из его верных почитателей — Проспер Аквитанский — сообщает своему престарелому учителю, что среди монахов Южной Галлии появилось новое учение о спасении, в котором явно прослеживается дух пелагианского нечестия (*spiritus pelagianae impietatis*)⁴. Идейным вождем данного учения может по праву считаться настоятель марсельского монастыря Иоанн Кассиан Римлянин. Именно в его доктринальных концепциях Проспер усмотрел элементы пелагианских суждений, которые вступали в жесткий антагонизм с антропологическими конструкциями всеми уважаемого Августина.

Августин в ответ на просьбу Проспера пишет два трактата — «О даре пребывания» и «О предопределении святых», — в которых отстаивает свою точку зрения относительно суверенности божественного избрания и тотального повреждения человеческой природы. Уже после смерти Августина Проспер Аквитанский составляет полемическое сочинение «Против собеседника», основное содержание которого заключается в критике богословских позиций Кассиана, изложенных марсельским богословом в своих «Собеседованиях». Проспер уверен, что Кассианова концепция спасения близка к пелагианству.

Данное исследование является ответом на вопросы: правомерно ли отождествление антропологических и сотериологических постулатов Иоанна Кассиана с доктринальными построениями Пелагия? Допустимо ли говорить о Кассиановом богословии как о развитии пелагианской концепции спасения? Дать объективную оценку антропологии преподобного Иоанна Кассиана, т. е. выяснить, насколько она зависима от пелагианских концепций, возможно лишь в результате сравнительного анализа его доктрин с богословскими схемами самого монаха Пелагия, а также рассмотрев контекст, в котором формировалась его аскетико-богословская позиция.

В знаменитом 13-м «Собеседовании» Кассиана, которое называется «О покровительстве Божиим», можно увидеть высказывания, вступающие в явное противоречие с пессимистичной антропологией Августина. Исследователь Джошуа Бруквей отмечает, что именно этот текст вызвал ожесточенную критику со стороны Проспера Аквитанского, который усмотрел в нем прямые нападки на богословие Августина⁵. Действительно, в данном тексте Кассиан выступает против августиновской идеи избирательного спасения. По его мнению, божественный призыв обращен ко всем людям, а не только к определенной группе избранных, так как Бог желает, чтобы все люди пришли к познанию истины⁶. Вывод, к которому он приходит, сводится к следующему: спасение или осуждение не могут быть результатом божественного предопределения, но находятся в непосредственной

⁴ *Prosperus Aquitanus*. Epistola Inter Augustianas CCXXV // *Patrologia Latina*. Vol. 44 / ed. by J.-P. Migne. Paris: Patrologiae Cursus Completus, 1865. P. 949.

⁵ *Brockway J. W.* The ritual dimension of John Cassian's Asceticism. PhD diss. Washington, D. C.: The Catholic University of America, 2015. P. 1.

⁶ *Joannis Cassiani*. Collationes // *Patrologia Latina*. Vol. 49 / ed. by J.-P. Migne. Paris: Patrologiae Cursus Completus, 1846. P. 477–1328.

зависимости от устремлений и действий самого человека⁷. Кассиан также подвергает критике постулат Августина о бессилии воли, т. е. полной неспособности человека стремиться к добру. Согласно его концепции, человек способен и поэтому должен откликнуться на божественный призыв.

В трактатах галльского богослова мы не найдем таких радикальных антропологических выводов, какие сделал Августин, опираясь на свою концепцию первородного греха. Кассиан действительно много говорит о человеческой ответственности за несправедную жизнь и постоянно призывает к духовному совершенствованию через аскезу. Поэтому при оценке богословия Кассиана через призму пелагианского спора вполне может создаться впечатление, что его доктринальные построения схожи с пелагианскими постулатами. Именно такое мнение касательно некоторых богословских конструкций марсельского игумена очень долгое время бытовало на латинском Западе и до сих пор остается популярным среди некоторых исследователей его творчества, которые в трактатах преподобного Иоанна обнаруживают «основу того, что станет полупелагианством»⁸.

При сопоставлении богословских построений Кассиана и Пелагия следует обратить особое внимание на то, как эти авторы оценивали саму природу греха. Говоря о грехе, Пелагий отрицает за ним способность трансформировать человеческую природу и уж тем более передаваться от предков к потомкам. Согласно его представлениям, грех является лишь дурным поступком, действие которого остается чисто внешним, т. е. не затрагивает человеческого естества. Он может передаваться другому человеку только в качестве негативного примера.

По мнению Пелагия, человек имеет в себе полноту потенциальных возможностей, с помощью которых он может самостоятельно двигаться к духовному совершенству. Доктрина о всеобщей испорченности человеческой природы представлялась Пелагию абсурдной выдумкой Августина. В своем письме к Деметриаде он говорит о значительных человеческих способностях, указывая на наличие в человеческом естестве даже некой «природной святости»⁹, которая позволяет безошибочно избирать благо.

Отрицая тотальную поврежденность человеческой природы как причину дурных поступков, Пелагий, вполне естественно, отрицал и следствие этой поврежденности, т. е. глубокое искажение человеческой воли. Моральный выбор не обуславливается, по его мнению, никакими наследственными грехами, но всецело зависит от свободного самоопределения индивида. Человек без всяких затруднений может делать добро, если захочет¹⁰. Мысль Пелагия сосредоточена на том, что принятие идеи немощности человеческой природы неминуемо ведет к апатии в духовной практике,

⁷ *Joannis Cassiani. Collationes, XIII. IX.*

⁸ *Уивер Р.Х. Божественная благодать и человеческое действие: исследование полупелагианских споров. М.: Центр библейско-патрологических исследований; Империиум Пресс, 2006. С. 102.*

⁹ *Pelagius. Epistola ad Demetriadem. IV.*

¹⁰ *Ibid. III.*

поэтому единственно верным стимулом к подвижнической деятельности является непоколебимая вера в свои способности¹¹.

Пелагий уверен, что при внимательном рассмотрении собственных возможностей подвижник приходит к пониманию того, что в нем заключен огромный природный потенциал¹². В начале «Послания к Деметриаде» Пелагий восхваляет красоту, способности и превосходство человека над всем окружающим его миром. Британец полагает, что именно в способности свободно избирать благо и стремиться к нему заключается преимущество человека как разумного творения¹³. Вполне естественно, что только свобода воли может служить логическим обоснованием справедливого воздаяния, т.е. награды или наказания. Именно в этом контексте становятся оправданными библейские призывы стремиться к добру, устранившись от зла. При отсутствии свободного выбора утрачивают актуальность все нравственно-назидательные увещания, поэтому Пелагий убежден в неправоте тех, кто утверждает, что порочность природы влечет нас к дурным поступкам¹⁴.

Рассматривая аскетические произведения Кассиана, следует признать, что он также многое отдавал на волю человека, напоминая своим братьям монахам, что основой для ответственности является нравственный или безнравственный выбор, сделанный человеком добровольно. Тем не менее, по представлениям Кассиана, на пути духовного совершенствования человек не может быть самостоятельным путником. В своих наставлениях марсельский аббат неоднократно говорит о том, что для успешного прохождения жизненного пути и достижения желанной цели подвижник нуждается в постоянной божественной поддержке. В отличие от Пелагия, Кассиан уверен, что надежда христианина лишь на собственные силы и способности приводит к духовному падению. Преуспевание в аскетической практике зависит в первую очередь от дара божественной благодати. Поэтому подвижник, стремясь к полноте и совершенству в добродетелях, никогда не надеется на собственные силы, но умоляет о даровании таковых от Бога¹⁵. Не отрицая глубокой поврежденности воли, Кассиан все же не соглашается с теми выводами, какие сделал Августин, выдвигая доктрину, согласно которой в человеке вообще не осталось никаких сил даже для того, чтобы желать добра. По мнению галльского богослова, грех не уничтожил в человеке образ Божий, поэтому человек, хотя и не имеющий внутренней духовной потенции, с помощью которой он мог бы достичь нравственного совершенства, все же сохраняет в себе желание добра, жажду спасения. Именно на это желание и откликается Бог, даруя подвижнику благодать, которая, восполняя немощь человеческой природы, способствует духовному преуспеванию.

¹¹ Ibid. II.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. III.

¹⁴ Ibid. VIII.

¹⁵ *Joannis Cassiani. Collationes, III. XIII.*

Как видно из произведений Кассиана, он не разделяет взглядов Пелагия о значительных природных способностях человека. Не отрицая наличия в человеческом естестве определенных дарований, Кассиан настаивает на том, что их совсем недостаточно для разумения божественного закона. Поэтому каждому христианину, стремящемуся к духовному совершенству, необходимо божественное просвещение, освящающее внутренние чувства¹⁶. Тем не менее Кассиан особо подчеркивает, что примат божественной благодати не упраздняет значимости аскетических подвигов. Подвижник не должен думать, что личные духовные усилия напрасны, лишь потому, что они сами по себе не приводят к спасению. Основной задачей подвижника является четкое понимание того, что в своих устремлениях к спасению он не самодостаточен¹⁷. Любой человек, вступивший на путь добродетельной христианской жизни, как уже было сказано, постоянно нуждается в божественной поддержке, так как немощ поврежденной грехом природы не позволяет утвердиться в добродетелях самостоятельно¹⁸. Вывод, к которому приходит Кассиан, вполне однозначный: ни один праведник не имеет в себе достаточно сил, чтобы самостоятельно стяжать праведность¹⁹. Этот постулат — надежное средство, предохраняющее христианина от гордой уверенности в собственной значимости.

Таким образом, в трактатах Кассиана человек предстает существом немощным, постоянно нуждающимся в божественной поддержке, и эта позиция роднит его антропологию скорее с концепциями Августина, нежели Пелагия. Для Кассиана, как и для Августина, грех — это прежде всего внутреннее повреждение, унаследованное от прародителей²⁰. Человеческая природа существенно ослаблена наследственной испорченностью, поэтому человек в своем естественном состоянии более склонен к злым поступкам, нежели к добродетелям. Пелагианская антропологическая модель, проникнутая духом безосновательного оптимизма, представляется марсельскому аббату ложной, т. е. приводящей христианского подвижника к опасному обольщению собственной значимостью²¹. Соглашаясь с августиновской концепцией первородного греха, Кассиан критикует пелагианскую доктрину, согласно которой в человеке имеются неповрежденные природные силы и способности.

При детальном рассмотрении аскетических наставлений преподобного Иоанна Кассиана можно увидеть, что его антропология в значительной степени отдалена от крайностей августинизма и пелагианства. Ее основания лежат не в пелагианском споре, как полагали многие западные авторы прошедших столетий, приписывая учению Кассиана «пелагианский след»,

¹⁶ *Joannis Cassiani. Collationes*, III. XV.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.* XIII. VI.

¹⁹ *Ibid.* III. XII.

²⁰ *Ibid.* IV. VII.

²¹ *Ibid.* XIII. III.

а в восточной монашеской традиции, которая выкристаллизовалась вне контекста упомянутого спора. Как известно, Кассиан долгое время жил на христианском Востоке, перенимая аскетический опыт подвижников Нитрийской пустыни. Именно эту практику монашеского делания, которая в равной степени сосредоточена как на важности божественной помощи, так и на личных человеческих усилиях, он впоследствии и изложил в своих знаменитых трактатах.

Аскетическое наследие Кассиана, рассмотренное на Западе через призму пелагианской дискуссии, в произведениях последователей Августина получило неверную богословскую оценку и было названо полупелагианством. Ошибочность такого мнения сегодня признается все большим количеством западных авторов, всерьез занимающихся исследованием доктринальных построений марсельского игумена. Например, американский исследователь А. Кэсидей полагает, что предвзятое отношение к богословию Кассиана, наличествующее в трудах некоторых западных теологов, основано на тех тенденциозных выводах, которые выдвинул еще в V в. Проспер Аквитанский²². Также Д. Бруквей соглашается с тем, что богословие Кассиана в истории западной мысли получило неоднозначную оценку именно из-за его синергетической позиции, которая в свете разгоревшейся ранее антипелагианской полемики была ошибочно воспринята как своеобразный вариант пелагианства²³.

Кроме того, Пелагий был осужден церковными соборами как еретик не за то, что он оптимистично оценивал способности человека. Проблема находилась глубже и заключалась в тех выводах, которые неминуемо следовали из его своеобразного учения о человеке. Как было показано, пелагианская концепция так называемого антропологического оптимизма исключала понятие первородного греха как всеобщей наследственной порчи человеческой природы. Вполне естественно, что отрицание последствий первородного греха и утверждение безграничных возможностей человека ставили под сомнение исключительную важность и необходимость искупительной жертвы Христа.

Согласно ортодоксальному христианскому представлению, Христос пришел спасти именно падшего человека, т. е. того, кто сам этого сделать не мог. Именно данный основополагающий принцип христианства нивелировался у Пелагия. В доктринальных построениях британца Христос предстает лишь выдающимся учителем нравственности, но никак не спасителем немощного человека. Конечно, Пелагий нигде не писал, что для спасения Христос не нужен. Но логика его рассуждений приводила именно к такому выводу. Учение об автономности человеческой природы позволяло рассматривать спасение как итог личных человеческих усилий, а не как дар божественной благодати. В своих предпосылках и особенно

²² Casiday A. M. C. Tradition and theology in St John Cassian. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. P. 18–19.

²³ Brockway J. W. The ritual dimension of John Cassian's Asceticism. P. 133.

выводах пелагианство выходит далеко за рамки христианской ортодоксии. Оно может быть охарактеризовано как «теологический антропоцентризм», в котором главная роль принадлежит человеку, а не Богу.

В тезисах же Кассиана мы не найдем таких неоправданно оптимистичных идей касательно человеческой природы. Напротив, он предостерегал христиан от подобных мыслей, говоря о том, что высокое мнение о себе, т. е. приписывание добродетелей своим личным аскетическим усилиям, приводит подвижника к духовной гибели. По его убеждению, всякая добродетель достигается лишь при помощи благодати²⁴. Христос в трактатах Кассиана занимает исключительное положение, что и делает его наставления вполне ортодоксальными.

Подведем итоги. Уникальность богословской мысли Кассиана, выкристаллизовавшейся на основе восточно-христианской аскетической традиции египетских подвижников, позволяет заключить, что его сотериологические идеи нельзя механически сводить к так называемому срединному пути между Августином и Пелагием. Вполне естественно, что Кассианова концепция спасения, рассмотренная через призму поздних антипелагианских работ Августина, внешне будет походить на своеобразный вариант пелагианских богословских конструкций. Но такое рассмотрение можно признать правомерным только в том случае, если сотериология самого Августина являет собой общепризнанную христианскую модель спасения и потому по праву выступает в качестве некоего образца, по которому с необходимостью проверяются на ортодоксальность прочие сотериологические постулаты. Однако, как известно, поздняя доктрина спасения Августина, доведенная до логического предела в концепции предреципационизма, никогда не была принята в качестве незыблемой ортодоксии даже на Западе, где епископ города Гиппона имел колоссальный авторитет и значение. На христианском же Востоке к работам блаженного учителя относились вообще с крайней осторожностью. Отсюда следует, что рассмотрение аскетических наставлений Кассиана через призму так называемого августинизма, во-первых, теологически неправомерно, а во-вторых, приводит к заведомо ложным выводам, т. е. к отождествлению его антропологии с доктринальными построениями Пелагия.

Статья поступила в редакцию 12 августа 2021 г.;
рекомендована к печати 1 июня 2022 г.

Контактная информация:

Антонян Артур Романович — канд. филос. наук, ст. преп.; pravoslavie-art@mail.ru

²⁴ *Joannis Cassiani. Collationes, XIII. III.*

Anthropological positions of Pelagius and John Cassian

A. R. Antonyan

Don Theological Seminary,
196, ul. Vsesoyuznaya, Rostov-on-Don, 344033, Russian Federation
Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Postgraduate and Doctoral Studies,
4/2, ul. Pyatnitskaya, Moscow, 115035, Russian Federation

For citation: Antonyan A. R. Anthropological positions of Pelagius and John Cassian. *Issues of Theology*, 2022, vol. 4, no. 3, pp. 398–407. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.304> (In Russian)

The article presents a comparative analysis of the anthropological constructions Marseille abbot John Cassian and the British monk Pelagius. The study focuses on the need for a thorough revision doctrinal assessments established in Western theological science, according to which John Cassian is a representative of the so-called “semi-Pelagian” theology. The author believes that the wrong view of the Cassian’s theology formed as a result of considering his doctrines in the context of the Pelagian dispute. Cassian’s theology is not related to the Pelagian discussion of free will and predestination. His anthropology was formed in the context of the Eastern Christian ascetic tradition. Eastern Christian theology paid great attention to questions about the role of divine grace and human action in the matter of salvation. Cassian, being the heir to the Eastern Christian monastic tradition, emphasized personal asceticism. This led many theologians to draw the wrong conclusion that the Marseille abbot was a follower of Pelagius. The article shows that the views of Cassian are far from the theology of Pelagius and are closer to Augustine in many respects.

Keywords: salvation, predestination, original sin, will, grace, pelagianism, synergism.

References

- Augustinus (2005) *Treatises on various issues: theology, exegetics, ethics*. Rus. ed. Moscow, Imperium Press Publ. (In Russian)
- Brockway J. W. (2015) *The ritual dimension of John Cassian’s Asceticism*. PhD diss. Washington, D. C., The Catholic University of America.
- Casiday A. M. C. (2007) *Tradition and theology in St John Cassian*. Oxford; New York, Oxford University Press.
- Joannis Cassiani (1846) “Collationes”, in *Patrologia Latina*, vol. 49. Ed. by J.-P. Migne, pp. 477–1328. Paris, Patrologiae Cursus Completus.
- Pelagius (1845) “Epistola ad Demetriadem”, in *Patrologia Latina*, vol. 33. Ed. by J.-P. Migne, pp. 1099–1120. Paris, Patrologiae Cursus Completus.
- Prosperus Aquitanus (1865) “Epistola Inter Augustianas CCXXV”, in *Patrologia Latina*, vol. 44. Ed. by J.-P. Migne, pp. 949–953. Paris, Patrologiae Cursus Completus.
- Weaver R. H. (2006) *Divine Grace and Human Agency: A study of the Semi-Pelagian controversy*. Rus. ed. Moscow, Tsentr bibleisko-patologicheskikh issledovaniy Publ., Imperium Press Publ. (In Russian)

Received: August 12, 2021

Accepted: June 1, 2022

Author’s information:

Artur R. Antonyan — PhD in Philosophy, Senior Lecturer; pravoslavie-art@mail.ru